С. И. Шаров

Пятилетний план и плановая работа

Материальное содержание пятилетнего плана, как системы хозяйственных установок, программы капитального строительства и производственных заданий, проверяется и исправляется в живой действительности усилиями миллионов трудящихся.

Колоссальная задача выполнения и даже превышения программы великих работ поглотила общее внимание, и оно с некоторым трудом обращается к вопросам о порядке составления и структуре плана, как правительственного документа, и об его формально-логическом содержании и значении, как системы предположений и аргументов.

Между тем, методологические и организационные итоги и уроки опыта работы над планом имеют огромную важность для правильной постановки хозяйственного проектирования в дальнейшем.

Место пятилетнего плана в истории плановой работы

Законодательное рассмотрение и утверждение пятилетнего плана завершили целую эпоху в истории „борьбы за план", — пользуясь излюбленным выражением испытанного знаменосца этой борьбы — тов. Кржижановского, — эпоху, которая началась работой ГОЭЛРО, — Государственной Комиссии по электрификации России, — и которая теперь расширенным фронтом заданий и сил вернулась к принципам этой работы.

План ГОЭЛРО, вдохновленный Лениным, продуманный и высчитанный группой избранных инженеров и экономистов, под руководством инженера-экономиста, старого большевика и в то же время знатока организации крупных предприятий, был актом и фактом стремительного взлета планового творчества. Практически он, ухватившись за важнейшее звено в производственной жизни страны, закладывал основы социалистической реконструкции ее силового хозяйства. Методологически он являлся образцом ясности построения, четкости формулировок и конкретности расчетов.

Работа ГОЭЛРО резко порвала с тем наивным подходом к далеким хозяйственным проектировкам, который нередко встречался в первые годы революции, она резко разошлась с той „системой", когда новые строители жизни, в мечтах, не прошедших еще через

горнило действительности, и в преувеличенной вере к чужому знанию и умению, будили фантазию старых строителей, увядшую в этом горниле, и она вспышками бенгальского огня прорезала мрак будущего на десятки лет вперед; она порвала с той системой, когда в „ВСНХ", как вспоминал потом на XIII Партконференции тов. Рыков, „было поставлено дело так, что по телефону скажешь, а через три часа тебе дают план с цифрами, расписанный и красными, и синими кружочками, квадратами и т. д., — сидит себе спец и дело это шлепает",[1] когда, по выражению тов. Смилги в предисловии к первым годичным контрольным цифрам по СССР, планы строились „одним полетом мысли", „в безвоздушном пространстве".

И многим, изверившимся в таких планах, сам план ГОЭЛРО показался листом бумаги, прошлепанным кружочками и квадратами. Для многих „стихотворением в прозе", далеким от действительной прозы жизни, прозвучал восторженный привет тов. Бухарина в „Правде"[2] докладу о плане тов. Кржижановского на VIII С'езде Советов: „Пафос труда, пафос Великих Работ! Нищая, голодная, сермяжная Русь, Русь лучины и корки черного хлеба, покрывается сетью электрических станций! Они приводят в движение наши фабрики и заводы; они двигают грузы и людей по железным дорогам и водным путям; они заставляют тракторы и паровые плуги пахать земли, по которым еще недавно ходила варварская соха; они освещают здания; они превращают Россию в единое хозяйство, а раздробленный народ — в сознательную организованную часть человечества".

И Ленину на самом С'езде пришлось разбивать ледяную кору неверия в возможность и необходимость широких и далеких хозяйственных расчетов: „Когда появляются большие планы, находятся нередко скептики, которые говорят: „Где уж там на много лет рассчитывать, дай бог сделать и то, что нужно сейчас". Товарищи, нужно уметь соединять и то, и другое. Нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и серьезный успех".[3]

История доказала реальность и жизненное значение „творимой легенды", которая дерзнула во время гражданской войны, склонявшейся, правда, уже к победе, но еще не законченной, в период крайней разрухи и нищеты, в отсталой стране, выдвинуть задачу революции в области ее энергетики, на десять лет вперед наметить размер ее осуществления и запроектировать для нее грандиозное по-довоенному русскому масштабу строительство.

И кинутое русской склонностью к насмешке над собой легкое словечко „электрификция" стало тяжелым для произношения, когда Шатурские торфяные болота и Волховские пороги бросили в столицы по проволоке высоковольтных передач силу и свет.

[1] Бюллетень XIII партийной конференции, стр. 12.
[2] „Правда", 24 декабря 1920 г.
[3] Собрание сочинений, т. XVII, стр. 423—424.

Тот же ход жизни, выдвигая на очередь одну за другой трудности хозяйственного восстановления и роста, повышая бытовые запросы населения, усложняя повседневную практику руководства советскими начинаниями, учреждениями, предприятиями, — властно требовал от государственной власти учета перспектив, уяснения проблем, наметки мероприятий на длительное время вперед.

Но чтобы насущность этого требования отчеканилась в общем сознании, чтобы сомнения в его осуществимости потеряли почву, чтобы обрисовались формы его выполнения, — понадобились не только разностороннее обсуждение задач и основ составления планов и не только многочисленные конкретные „перспективные ориентировки", „ориентировочные перспективки", но и усиление самой материальной базы планового хозяйствования в виде под'ема общего производства страны и в виде роста и укрепления государственной промышленности, упорядочения транспорта и улучшения правительственного аппарата.

В этом процессе вскрывались и проверялись реальные возможности развития производительных сил, под'ема благосостояния трудящихся масс, обобществления, — возможности, которые определяются с положительной стороны громадностью природных богатств страны и ее трудовых ресурсов, а с отрицательной стороны, — отсталостью и слабостью производственного и транспортного оборудования страны, недостатком в ней капиталов, разнообразием бытовых укладов, свойственных отдельным многомиллионным группам ее жителей, и огромностью ее плохо между собой связанных пространств.

Восемь с половиною лет укрепления советской системы и под'ема народного хозяйства, накапливания хозяйственного знания и уменья, организационных и методологических исканий, количественного и качественного роста плановых аппаратов и плановых работников прошли после первого советского плана Великих Работ. Появился второй план Великих Работ, который на новый ряд лет охватывает все хозяйственное и культурное развитие всей советской части мира, по всем отраслям и социальным секторам и в разрезе всех основных районов. Этот план, как по своей принципиальной установке, так и по предметам своего содержания, и в связи с этим, по системе составления и изложения, является документом, не имеющим прецедента ни в практике дореволюционной России, ни вообще в мировой истории, как не имеет прецедента и сама пролетарская государственность, создавшая его.

Конечно, плановый подход к проблемам народнохозяйственного развития не представляется совсем чуждым для буржуазной и даже для феодальной государственно-хозяйственной мысли. И пролетариат СССР, перестраивающий свою страну из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную, может указать как на свое плановое наследие, на контуры промышленной реконструкции страны, начерченные

Менделеевым в ряде его трудов, начиная от „Толкового тарифа".[1] И тов. Кржижановский, в отчете о деятельности Госплана за 1921—1923 гг. отметил, что план, как система экономических мероприятий, отнюдь не является „специфическим атрибутом советского социалистического строительства".[2] „Бюджетная календарная разверстка, — говорил он далее, — уже вводит жесткое начало плановой диспозиции даже в хозяйство страны, находящееся под знаком капиталистического режима".

Но помимо разницы в социальных целях и социальном базисе между нашим составлением планов и составлением планов буржуазных государств, — разницы ярко и четко формулированной т. Кржижановским в том же отчете, — наш пятилетний план, как документ, как формальное построение определенной системы предположений и определенной системы их аргументации, слишком мало мог взять из буржуазного опыта.

А между тем, в документах, имеющих, пользуясь также выражением тов. Кржижановского, „диспозиционный" характер, вопрос существа, вопрос о качественных установках в ведении народного хозяйства и о количественных итогах, непосредственно переходит в вопрос формы, — в вопрос о структуре и об'еме изложения этих установок и итогов их.

Буржуазная государственность выработала определенно и четко формально-логическую концепцию и схему текстового и таблично-цифрового изложения только для одного вида документов широкого народнохозяйственного охвата — именно, для бюджета, на который указал тов. Кржижановский.

Но бюджет заключает в себе расчеты только по той части народного хозяйства, которая находится в непосредственном веде-

[1] Колоссальная разница между Менделеевским планом индустриализации и советским заключается в том, что Менделеев базировал развитие промышленности на частной предприимчивости и на подневольном наемном труде, дешево оплачиваемом предпринимателями. Но характерно, что антисоциалист Менделеев писал: „мне нечего доказывать, по очевидности, того, что фабрично-заводская промышленность, а вместе с нею горная и перевозочная страдают нередко от капитализма... Есть три способа борьбы с этим... Эти три способа назовем: складочными капиталами, государственно-монопольными предприятиями и артельно-кооперативными" („К познанию России" 3 издание, стр. 102). Мысли Менделеева о взаимоотношениях земледелия и промышленности формулированы в терминах, и сейчас не вполне потерявших, — как это ни странно, — своей свежести: „хлебные и им подобные произведения почвы производятся только в летнее время, а следовательно, масса потенциального народного труда остается у нас скрытою, чего не будет при промышленной переработке сырья". „Земледелие нигде не достигает совершенства, т.-е. больших урожаев, иначе как при помощи промышленности, необходимой не только для дешевизны перевозки, но и для орудий, удобрений, развитых знаний, усовершенствованных видов потребления". „Земледелие при усовершенствовании все менее и менее требует рук или затраты времени и труда для производства данного количества хлебов, тогда как виды промышленности разнообразятся год от году, что ведет к возможности всем жителям пользоваться трудовым заработком" (там же, стр. 92).

[2] Отчет Госплана за 1921—1923 гг. Предисловие.

нии государства, и только со стороны денежных доходов и расходов государственного казначейства.

Наш план охватывает все народное хозяйство, и в наш план входит ряд сложнейших расчетов, остающихся в стороне при работе над бюджетом буржуазного государства. Сами вопросы финансового хозяйства, которыми занимается бюджет, в нашем плане выходят далеко за пределы последнего, разрастаясь в построение общего единого финансового плана народного хозяйства, охватывая сверх операций государственного казначейства, также и операции кредитных учреждений, и доходы и расходы хозрасчетных предприятий,— государственных, кооперативных и частных хозяйств.

Состав показателей, которые требуют включения в комплексный план многолетнего развития народного хозяйства, порядок исчисления количественных предположений, схемы таблиц и текста,— все это советским работникам, а в особенности плановым работникам, пришлось вырабатывать наново — применительно и к той широте охвата, которую должен иметь этот план, и к тем началам социалистического строительства, которым он призван служить.

Сложность этой задачи не всеми наблюдателями и даже исполнителями оценивается справедливо. Но эту сложность можно представить себе, если вспомнить, что бюджету, при его относительной простоте, потребовались десятилетия и даже столетия практики и критики, чтобы оформиться в документ определенного экономического содержания, определенных приемов изложения, определенных технических форм, определенной номенклатуры статейных подразделений и занять прочное положение в системе государственно-хозяйственных актов, в научной трактовке и в бытовом представлении. И теми же десятилетиями сложились в буржуазном право-порядке: взаимодействие отдельных органов в бюджетной работе, распределение между ними обязанностей по собиранию, движению, обработке материалов для бюджета.

Вопросы о составе и структуре текстового и табличного содержания комплексного плана и о взаимоотношениях отдельных аппаратов в плановой работе далеко не получили общепризнанного разрешения ни в момент приступа к составлению пятилетнего плана, ни даже теперь. Но откладывать это составление не было возможности — по соображениям спешной необходимости в плане, и не было смысла, так как опыт показал неразрешимость методологических разноласий и недоразумений путем предварительных теоретических споров. Работа над пятилетним планом стала одновременно ареной „борьбы за план",— как борьбы за усиление планового начала, социалистически-планового начала в развертывании народного хозяйства, и как борьбы за концепцию и конструкцию самого составления планов.

Ближайшие к нему по времени и значительнейшие по содержанию плановые документы — план сельского хозяйства на пятилетие с 1925/26 по 1930/31 г. и контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. в подходе к вопросам народного хозяйства резко отошли от плана ГОЭЛРО. Последний четко формулировал хозяйственные задачи, которые ставит себе в области развития народного хозяйства правительство, представляющее в своем лице пролетариат,— реорганизатора этого хозяйства, и твердо намечал систему своих решений. Это был акт суб'ективный, волевой, целевой. Комиссия по выработке контрольных цифр народного хозяйства на 1925/26 г. „видела свою задачу в том, чтобы дать на предстоящий год основные контуры важнейших народнохозяйственных элементов, установить их взаимную связь и обрисовать то состояние народнохозяйственного целого, которое, по всей вероятности, будет достигнуто в грядущем году." [1]

Эта формулировка комиссией ее задачи очень немного теряет в своей характерности от довольно неопределенного добавления: „одновременно комиссия считала необходимым наметить систему экономических мероприятий, потребных для осуществления тенденций и плановых заданий, лежащих в основе перспективного народнохозяйственного баланса." [2] Предисловие же к контрольным цифрам говорит: „Теперь о практическом значении этих цифр. Мы предлагаем эти цифры ведомствам в крайне осторожной форме. Предлагая им свои плановые предположения, говорим,— стройте свои планы с учетом наших контрольных цифр". [3]

Это — речь не правительственного центра, вырабатывающего свою систему хозяйственных решений и предлагающего ее к исполнению своим агентам, а некоего консультационного органа, рекомендующего вниманию разрозненных руководителей отдельных отраслей результаты своей попытки заглянуть в будущее. Таким пониманием плана проникнута была и упомянутая работа Наркомзема. Авторы его ставили себе в заслугу, что они верно предусмотрели темпы стихийного роста сельского хозяйства. [4]

Впоследствии методологическое существо и практическое значение контрольных цифр были охарактеризованы главными вдохновителями работы над ними формулой „прогноз и директива". Но „директива" здесь — не система решений, и не „диспозиция".

Но было течение, которое не хотело признавать за контрольными цифрами даже и директивного значения: „В настоящее время контрольные цифры представляют собою по существу систему цифр, характеризующих предполагаемое развитие основных хозяйственных процессов в стране в их внутреннем между собою соотношении"... „Такая система цифр, нося в основном ориентировочный

[1] „Контрольные цифры на 1925/26 г.," стр. 11 (второго издания).
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 7, разрядка в подлиннике.
[4] Доклад Н. Д. Кондратьева. „Плановое Хозяйство" № 8 за 1925 г., стр. 109—110.

характер, позволяет наметить основные вехи развития нашего народного хозяйства на год вперед, дать надлежащее направление и ориентировку в практическом руководстве хозяйственной жизнью страны. В этом, и именно в этом, основное значение и огромная польза контрольных цифр. Тогда же, когда они приобретают директивный характер, становятся из ориентировочных предположений обязательной директивой, они становятся опасны". [1]

Пятилетний план вернулся к воззрению плана ГОЭЛРО: он является не прогнозом,— и не прогнозом и директивой,— он является конкретной системой государственных решений относительно задач, путей и средств развертывания народного хозяйства.

Принципиально — это только возврат на старую верную позицию. Практически — это новое огромное завоевание, — поскольку эта позиция дает теперь господство над гораздо более широким фронтом: в плане ГОЭЛРО проектировалось, главным образом, электростроительство, теперь проектируется строительство во всех отраслях народного хозяйства. Правда и тогда и теперь стержнем плана является энергетика, но в плане ГОЭЛРО она выступает только как энергия топлива, воды, ветра, — теперь в ее понятие вошла и физическая и интеллектуальная рабочая сила человека, взятая тоже как об'ект планирования.

И значение плана ни в какой мере не колеблется ни трудностями выполнения плана, ни возможностями отступлений от него, которые, впрочем, пока намечаются только в сторону ускоренного его выполнения.

Пятилетний план будет той базой, от которой будет отправляться наше хозяйственное мышление и наша хозяйственная практика. Наметками пятилетнего плана будут измеряться наши предположения и наши достижения. Наметками пятилетнего плана будет регулироваться разрешение ряда вопросов, которые без него решались бы без системы и связи, и решение их будет стоить гораздо меньших затрат сил и времени, чем до него, гораздо меньших споров и пререканий. И при этих решениях обще-государственная точка зрения найдет в плане совершенно конкретную опору.

„Управлять — значит предвидеть" — любят повторять сторонники взгляда на план, как на прогноз. Злоупотребление этим афоризмом пора прекратить. Конечно, для того, чтобы управлять надо, между прочим, и предвидеть. Но предвидеть солнечное затмение еще не значит управлять солнцем и землей. И прежде, чем пытаться предвидеть, надо установить, а что именно в данном случае надо предвидеть. Управлять — это значит об'единять усилия людей на разрешении определенных задач и вносить порядок в их работу. Именно в этом смысле пятилетний план есть великий акт управления.

[1] Грузман — „Контрольные цифры промышленности" „Вестник Финансов", 1926 г. № 10.

И вместе с тем пятилетний план есть великий шаг в создании „единой хозяйственной доктрины" — в привитии хозяйственным работникам привычки смотреть на хозяйственные процессы с единой точки зрения, чем создается единство их понимания, а затем и единство действия среди них.

Преодоление генетизма

Каким же образом случилось, что после активно-целеустремленного плана ГОЭЛРО наши планы отошли от методов его работы?

Случилось это потому, что содержание плановой работы должно было охватить и область сельского хозяйства, в которой особенно сильны были в первые годы революции стихийные факторы и отношения. Случилось это и потому, что в области сельского хозяйства публицистика имела гегемонами не практических организаторов крупных хозяйственных начинаний, а экономистов — статистиков. Руководящая роль в обсуждении и в проектировке судеб сельского хозяйства, — и вместе с нею очень большое влияние на составление предположений относительно развертывания других отраслей народного хозяйства, — попала в руки людей, мышление которых привыкло работать не в плоскости постановки задач для конкретного ответственного их разрешения, и не в плоскости искания практических путей и средств этого разрешения; мышление этих людей привыкло работать в плоскости наблюдений, — хотя, конечно, не бесстрастного, и иногда не беспристрастного, — стихийного развития обстоятельств, изучения тенденций этого развития и его циклов в прошлом и настоящем и установления статистических вероятностей на будущее время. Вместо составления планов эти работники занялись составлением кон'юнктурных прогнозов, называя их планами, и вместо взвешивания организационно-технических возможностей — установлением эмпирических коэфициентов хозяйственного движения. [1]

Существо упоминавшегося „плана" сельского хозяйства было справедливо указано одним из его критиков, тов. Батуринским, в следующих словах: „Как строились, „перспективы"? Взята была довоенная действительность и показано, — вот какие были под'емы, вот какие падения, факторы, причины, а в дальнейшем механически была

[1] Наука психотехники очень много занимается вопросами природной приспособляемости людей к определенному делу, но слишком мало уделяет внимания влиянию профессии на людей. Между тем, „у лиц, работающих в определенной сфере деятельности и обладающих той или иной степенью одаренности, без которой вообще немыслимо действительное творчество, развиваются в связи с творческой деятельностью благоприятные условия внутренней секреции, поддерживающие устремление в сторону этой деятельности" (Бехтерев, „Общие основы рефлексологии головного мозга", 4 изд. стр. 290).

протянута линия, и рассуждалось таким образом: так как были такие-то падения и такой-то рост, — отсюда, по аналогии, должны появиться такие-то и такие-то результаты". [1]

Этим методом велась и работа над контрольными цифрами на 1925/26 г. Вот что писала комиссия о своем подходе к делу: — „Комиссия применяла три главнейшие метода: 1. Метод динамических коэфициентов, полученных путем анализа фактической эволюции нашего народного хозяйства за последние годы"... „При экстраполировании временных рядов, при выяснении тенденций развития и отыскании коэфициентов, характеризующих динамику настоящего и ближайшего будущего, комиссия использовала в качестве регулятивных принципов построение ряда закономерностей, наметившихся в нашей послереволюционной экономике"... „Эмпирическое исследование открывает ряд довольно устойчивых количественных коэфициентов, — (например, ценностное соотношение между сельскохозяйственной и промышленной товарной массой колеблется в узких пределах около величины 37 : 63), позволяющих установить не только для текущего времени, но и для ближайшего будущего динамическую систему равновесия". [2]

Весьма характерным представляется то обстоятельство, что тов. Струмилину, ближайшим образом руководившему первым опытом составления пятилетнего плана по народному хозяйству СССР и выдвинувшему правильное положение, что составление планов есть „социальная инженерия", [3] не удалось провести работы в соответствующем стиле. Критика, весьма компетентная, судящая не в пылу полемики, а спустя годы, и в общем благожелательная, говорит: „видимо, в настоящий момент, без всякой опасности впасть в ошибку, можно констатировать тот непреложный факт, что дефекты первой пятилетки Союзного Госплана проистекли из одного источника, а именно — из того ограниченного метода планирования, которым пользовались его составители и которая в своем существе заключалась в статистической экстраполяции закономерностей довоенного и восстановительного периодов хозяйственного развития, без серьезной попытки действительно вскрыть на основе современных достижений науки и техники и современного опыта передовых капиталистических стран возможности широкой реконструкции и рационализации в различных отраслях народного хозяйства". [4]

Характерным, в смысле отношения к количественным выражениям в планах, представляется то обстоятельство, что контрольные цифры Госплана РСФСР на 1927/28 г., по ряду важнейших элемен-

[1] „Пути сельского хозяйства", № 2, за 1926 г., стр. 213 — 214.

[2] „Контрольные цифры, на 1925/26 г.", стр. 14.

[3] „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27 — 1931/32гг." стр. 1.

[4] „Пути народнохозяйственного развития УССР", Изд. Госплана УССР. стр. IX.

тов народного хозяйства, ограничиваются приведением одних процентов роста, без указания абсолютных цифр, от которых этот рост идет и к которым он приходит.

По существу вопрос о значении эмпирических закономерностей и эмпирических коэфициентов давно разрешен. Формальная логика давно сказала: „Когда непосредственные причины социальных факторов недоступны для прямого наблюдения, то эмпирический закон следствий дает нам в то же время и эмпирический закон причины, — и это все, чего мы можем достигнуть в подобных случаях. Но эти непосредственные причины зависят от причин отдаленных, и на эмпирический закон, установленный при помощи такого непрямого способа наблюдения, можно положиться в применении к ненаблюдавшимся случаем лишь постольку поскольку есть основание думать, что ни в одной из отдаленных причин, от которых зависят данные ближайшие причины, не произошло никакой перемены. Поэтому, когда мы на основании самых лучших статистических обобщений умозаключаем, хотя бы только предположительно, что те же эмпирические законы будут иметь силу и для того или для другого нового случая, мы должны хорошо знать более отдаленные причины — для того, чтобы не приложить данного эмпирического закона к случаям, отличающимся от прежних такого рода обстоятельствами, от которых в конце-концов зависит истинность самого закона". [1]

В грехе подмены плана кон'юнктурными прогнозами повинны экономисты разных школ и разных политических толков. В немалой степени этот грех падает на Н. Д. Кондратьева, одного из составителей первого плана Наркомзема. Но наиболее упорным апостолом веры в эмпирические „закономерности" и эмпирические коэфициенты был В. Г. Громан, а наиболее отчетливая формулировка взгляда на план, как на акт чистого предвидения, принадлежит В. А. Базарову.

„Сельское хозяйство, раздробленное на 20 слишком миллионов мелких самостоятельных единиц, и в своей продукции ориентированное в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль. Прямое плановое воздействие на крестьянское хозяйство мы можем оказать лишь в той мере, в какой государственная промышленность пред'являет определенный спрос на сельскохозяйственное сырье. Конечно, через фонд заработной платы размах оперативной деятельности государственных предприятий и учреждений определяет ту долю товарной продукции, которую потребляет рабочий и служащий. В остальном перспективы сельского хозяйства должны базироваться на об'ективном изучении исторической наметившейся закономерности внутреннего роста и тенденции мирового рынка".

[1] Милль „Система логики", стр. 826, перевод Ивановского, изд. 2.

Так писал В. А. Базаров [1] в то время, когда громадное влияние различных систем сельскохозяйственного обложения на размер посевных площадей и состав культур, на рост стада и на поголовье отдельных видов скота било в глаза с каждой переменой этой системы, — а она менялась почти каждый год; это было писано тогда, когда значение землеустройства для под'ема производительности хозяйств прокламировалось со всех советских трибун, когда наши государственные заготовки и контрактации осваивали и сельскохозяйственное сырье для промышленности, и продовольственные хлеба, когда расширение технических культур наглядно связывалось с снабжением их районов хлебом, когда промышленность широко стала снабжать деревню сельскохозяйственными орудиями, и на очередь выдвинулся в своем реконструирующем полеводство виде вопрос о минеральных удобрениях, когда очевиднейшим образом подтверждалась зависимость сельского хозяйства в его качественных и количественных моментах от транспортных условий, когда тов. Дунаевский уже горячо пропагандировал на страницах „Планового Хозяйства" идею тракторных станций, [2] а тов. Маркевич начинал ее практическое осуществление.

И два года спустя тов. Базаров писал: „Если бы мы располагали идеальным познанием, — мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать путем генетического научного исследования и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформацию надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстройки. Ни о каких априорных плановых заданиях, ни о каких конструкциях в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы нескольких вариантов, но опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полной логической непререкаемостью начертать единственный возможный путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому, в плановой работе мы, не умея предвидеть, вынуждены предвосхищать результаты развития в форме априорных условных заданий и уже потом, апостериори, научно оправдывать и обосновывать их. [3]

Это — детерминизм, перешедший уже в „нецесситарианизм" и фатализм. Это — полное отрицание волевого подхода к жизни; не только возможным, но и вполне естественным считается полное подавление человеком в себе чувства свободы выбора, вывод им своих целей не из ощущаемых им собственных потребностей, а из догадок о предопределенном будущем. Это — призыв, — и призыв, при совершенно ясном представлении В. А. Базарова о недостаточном знании прошлого и о невозможности предвидения будущего, очень странный, — к составлению гороскопов и к подчинению их предсказаниям.

[1] „О методологии построения перспективного плана". „Плановое Хозяйство", № 7 за 1926 г.

[2] „Плановое Хозяйство", № 12, 1927 г.

[3] „Принципы построения перспективного плана", „Плановое Хозяйство", № 2 за 1928 г.

Это вовсе не похоже на Марксовское „изучать факты, чтобы их переделать".

Энгельс дал очень резкую характеристику нашего исторического познания: „В области человеческой истории мы с нашей наукой еще гораздо более отстали, чем в области биологии; если когда либо и познается внутренняя связь между общественными и политическими формами существования известной эпохи, то это случается обыкновенно только тогда, когда формы эти уже на половину изжиты и приближаются к полному исчезновению". [1]

„Наиболее ценным результатом рассуждения должно бы явиться крайнее недоверие к нашему жизненному познанию, так как мы, по всей вероятности, находимся лишь в начале истории человечества, и поколения, которые станут исправлять наши ошибки, будут, конечно, гораздо многочисленнее тех, результаты познания которых мы в состоянии исправить". [2]

И тут же находим предостережение против игнорирования законов внешней необходимости: „Свобода заключается не в мнимой независимости от естественных законов". Но далее мы читаем, — „она заключается в познании этих законов и в получении, таким образом, возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей". „Свобода воли значит поэтому ни что иное, как способность со знанием дела принимать то или иное решение". [3]

У Базарова отказ от цели в силу представления о неизбежной необходимости; у Энгельса познание естественных законов, для того, чтобы использовать их в своих целях. У Базарова отказ от решения потому, что все предрешено, и подчинение гороскопу; у Энгельса — умелый выбор решений.

Конечно, при этом выборе, говоря словами Виндельбонда, „чем шире и тверже у человека причинные знания, тем сильнее его мимолетное желание может быть задержано мыслью о всех тех последствиях, которые он предвидит. Но необходимо подчеркнуть, что при знании последствий дело идет не столько о представлении предметов отношений и переживаний, сколько о их ценности для выбирающего, т.-е. о связанных с ними чувствах. Выбор поступка лишь постольку определяется сознанием его последствий, поскольку последние, в свою очередь, могут вызвать чувство оценки". [4]

Тов. Ковалевский в своем докладе о методологии генерального плана, сделанном в клубе плановых работников имени тов. Кржи-

[1] „Энгельс „Анти Дюринг", стр. 110. — Изд. „Просвещения".

[2] Там же стр. 114.

[3] Там же, стр. 150.

[4] Винельбонд. „О свободе воли", стр. 44 — 45 русского издания.

жановского, говорил, что вопрос генетического и телеологического начала в планировании решен пролетарской революцией.[1] Это утверждение верно, поскольку оно касается практической хозяйственной деятельности и государственной практики пролетариата. Но в плановой работе в настоящем генетизм, т.-е. стремление заменить план прогнозом, еще очень силен. Ведь доклад тов. Ковалевского был сделан через какой-нибудь месяц после появления цитированной статьи В. А. Базарова, и самый доклад тов. Ковалевского вызвал со стороны В. Г. Громана и А. А. Никитского повторные утверждения о „примате" генетики, о правильности понимания плановой работы, как работы по выявлению будущего на основе прошлого, и в заключительном слове докладчику пришлось снова парировать эти утверждения.[2]

Чрезвычайную характерность приобретает это стремление построить картину будущего развития народного хозяйства на основании исчерпывающего знания прошлого, если, принять во внимание, что сами наши генетики всегда подчеркивают скудость нашего знания, вообще, и недостаточность и неудовлетворительность наших статистических материалов, в частности, и данных нашей сельскохозяйственной статистики в особенности.

Насколько велики эти неточности, они, кажется, все-таки отчета ясного себе не отдают. И так как вопрос о служении статистики плановым построениям и о достоверности статистики имеет очень большую важность не только для генетиков, но и для всех, думающих о судьбах народного хозяйства, то приведем несколько данных.

Проф. Дояренко целым рядом опытов на небольших делянках посева старался разными способами составить такой сноп, который, заключая в себе определенную часть всего посева, наилучшим образом представлял бы всю делянку, и обмолот которого, при умножении на соответствующее число, давал бы цифру сбора со всей делянки, наиболее подходящую к фактической, получаемой уборкой и обмолотом хлеба со всей делянки. И такова неравномерность густоты растений и величины колоса, что пробный сноп, при методах выборки и экстраполяции — не хуже тех, которыми оперирует наша сельскохозяйственная статистика, — давал представление о всей делянке с ошибкой до 15—16%, а при наиболее благоприятном методе — с ошибкой около 5%, и такую неточность проф. Дояренко считает приемлемой для научных опытов.[3]

[1] „... Вопрос о „генетике" и телеологии октябрьской революцией... давно уже практически резрешен. Пролетариат научился познавать законы причинности и считаться с ними, для того, чтобы использовывать их в своих целях, целях построения социализма". „Плановое Хозяйство", № 4, 1928 г.

[2] „Плановое Хозяйство", № 6 1928 г.

[3] Дояренко „Сборник статей" Т. II. „К методике учета урожайности на опытных участках".

Это — показатель об'ективных трудностей сельскохозяйственной статистики.

Но кроме об'ективных, есть трудности „суб'ективные".

В „Ежегоднике ЦСУ" за 1921 г. в выпуске 1 на стр. 254—255, посвященных птицеводству, читаем, что в Архангельской губернии было гусей 8 штук, уток 64 штуки, кур 28.807 штук. А в выпуске 2 на стр. 233, посвященной заготовкам, значится, что в губернии заготовлено 462.944 *кг* битой птицы — какие же были куры?

В Иваново-Вознесенской губернии в 1923 г., по данным „Статистического Ежегодника ЦСУ" за 1922/23 г.,[1] было 1.200 свиней, в том числе: старше 1 года — 100, и старше 4 месяцев — 400, а в 1924 г. „по Статистическому Справочнику ЦСУ"[2] свиней стало уже 42.300 голов.

Помпадур Сережа Быстрицын, утверждавший, что „мир экономический есть мир чудес", и поразивший Щедрина темпом роста своего стада ютландских свиней, все-таки не дошел до того, чтобы получить в один год от одной свиньи потомство в 80 голов.

Здесь чудотворцем был уже не продкомиссар „скептического склада", а сельхозналог 1923 г., освободивший свиней от обложения. Но в какой мере рост цифры свиней об'ясняется действительным увеличением их поголовья в силу права „безданно, беспошлинно" разводить их, в какой чисто-сердечным раскрытием тайны, окутывавшей хрюкающие об'екты обложения, — этого не скажет теперь не только ни один профессор статистики, но и ни один секретарь сельсовета.

В 1925 г. в Сталинградской губернии в деревне Петропавловской, 2 Донского округа значилось по сельхозналоговым данным 555 *га* посева. Поля пройдены были инструментальной с'емкой по натуре, и площадь посева оказалась в 1.476 *га*.[3]

Тут чудо об'ясняется тем, что в Сталинградской губернии облагается не вся земля, а только засеваемая.

Но беда, как и видно было по фактам, взятым из практики проф. Дояренко, вовсе не в том только, что „люди хитры".

В Рязанской губернии одна и та же площадь озимого посева 1925 г. в одном и том же „Статистическом Ежегоднике" значится в одном месте в 643 тыс. *га*,[4] а в другом — в 677 тыс. *га*.[5] — здесь крестьянское хозяйство облагается не по засеянной земле, а по всей пахотной: разница в 5 с лишним процентов получалась только потому, что хозяйства, взятые при двух выборочных спросах для

[1] Выпуск 1, стр. 131.

[2] „Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах", изд. 1925 г., стр. 203.

[3] „Хозяйство на новых путях", Сталинградский журнал, № 11 за 1926 г., ст. Ольховского „Выборочные обмеры посевных площадей".

[4] Стр. 291.

[5] Стр. 315.

представительства за все крестьянство губернии, были не совсем однородными.

Но надо иметь в виду и то, что вопреки, довольно распространенной легенде, крестьяне сами своих земельных площадей часто точно вымерять не умеют и точно не знают.

По Костромской губернии, где сельскохозяйственной статистике уделялось много серьезного внимания, в трех изданиях встречаются за один и тот же 1924 г. цифры сбора ржи — 67,3 тыс. тонн [1] 78,6 тыс. тонн [2], 86,9 тыс. тонн [3], с разницей между низшей и высшей цифрой около 30%, при чем эта разница вытекает, главным образом, из того, что урожайность десятины принималась по разным данным.

Проф. Лосицкий [4] в своей обработке данных о расходовании продовольственных продуктов сельскохозяйственным населением на одного человека приводит по одной и той же местности три варианта, из которых один получен текущими записями, проводимыми в отдельных хозяйствах, другой — экспедиционными исследованиями крестьянских бюджетов, третий — специальными обследованиями питания,— разница между этими вариантами достигает 20 и больше процентов.

Перечень таких невязок и неточностей можно дополнять очень долго. В масштабе СССР они ведут к огромным общеизвестным просчетам. Никакой закон больших цифр никакие поправки не помогают, когда первоначальный документ неточен, и когда быстро меняющаяся жизнь,— меняющаяся и по условиям производства и по нормам потребления,— не дает возможности установить к неточностям этого первоначального документа мало-мальски надежных поправочных показателей.

Выбор исходных цифр для последующих экстраполяций весьма широкий. И возможности разнообразить коэфициенты, беря по годам то одни цифры, то другие,— тоже большие.

Любезное сердцу наших генетиков составление ретроспективных сельскохозяйственных балансов, опирающихся на соображениях, примерно, такого порядка, что судя по данным текущей статистики в такой-то местности должны были иметься излишки хлеба, а в действительности его не хватило ни на еду, ни на семена, или, наоборот, надо бы населению помирать с голоду, а оно не только не померло, но продавало хлеб, да еще курило самогонку,— это составление балансов, открывая широкую почву для различных сопоставлений и догадок, и представляя специфический историко-методологический и исторический интерес, не имеет ни малейшего планового значения.

[1] „Костромская губерния в цифрах", стр. 61.
[2] „Прошлое и настоящее Костромского Края", стр. 176.
[3] „Баланс народного хозяйства Костромской губ.", стр. 95.
[4] „Нормы потребления хлебных продуктов". „Статистическое Обозрение", № 8 за 1927 г.

Вопрос не в том, чтобы ретроспективно уточнять все статистические цифры, вопрос в том, чтобы в возможной мере улучшать текущие статистические работы, и в том, чтобы в статистических данных выделить существенные для плана, установить пределы их достоверности и представить их себе в верной связи.

„Правильный, единственно достоверный метод — не тот метод, при котором, за неимением достоверных сведений, пользуются недостоверными, стараясь сделать их более или менее вероятными, но тот метод, при котором твердо и резко разграничивают, что следует считать правильным и что нельзя считать правильным". [1]

Наша статистика никогда этому правилу не следовала, и наши генетики составители планов тоже. Лишает ли нас эта неточность данных, доставляемых нашими статистическими органами, возможности вести плановую работу? Разумеется, нет,— хотя она и осложняет ее.

Но при тщательном подходе к разграничению правильного от неправильного, достоверного от недостоверного, в общей массе наших данных, рисующих состояние и движение сельского хозяйства в отдельных его элементах и сторонах,— а эти данные далеко не исчерпываются сведениями ЦСУ,— можно найти достаточный материал для оценки исходного положения и для наметки заданий на будущее в определенных количественных выражениях.

Ценнейшие количественные данные по сельскому хозяйству можно почерпнуть из военно-конского учета, из налоговых сведений, из землеустроительных актов, из отчетов торговых организаций.

Пятилетний план решительно преодолел тенденции пассивного генетизма. Методология его не рассказана в каком-либо специальном очерке, но она видна из самого его построения. Метод его построения,— единственно правильный метод плановой работы,— заключается в том, что на основе возможно точного изучения современного положения народного хозяйства в его существенных сторонах и элементах и на основе учета достижений современной науки и техники, произведена оценка той обстановки, в которой приходится действовать пролетарской государственности, строящей социализм, и в соответствии с этой оценкой, взвесившей и сопоставившей важнейшие, решающие моменты этой обстановки,— благоприятные и неблагоприятные,— установлены те задачи, которые в социалистическом строительстве можно осуществить в пятилетие, намечены пути разрешения этих задач и исчислены необходимые средства с указанием их источников.

Заключает ли в себе этот метод легкое отношение к исторически сложившимся тенденциям? Конечно, нет. Но он подходит

[1] Этот постулат историка Дельбрюка с сочувствием приводит Ф. Меринг в своих „Очерках по истории войны и военного искусства" (стр. 58 — 59 русского издания).

к ним и взвешивает их направление и их силу с точки зрения целей, преследуемых носителями плана, и изыскивает способы — ликвидировать или ослабить вредные и усилить полезные для этих целей.

Пятилетний план — это план социалистического наступления. Можно сказать, что он в то же время является методологическим наступлением и методологической побѐдой, которая открывает пути дальнейшего под'ема нашей плановой работы, дальнейшего уточнения и углубления ее методов, дальнейшего укрепления планового начала в нашем народном хозяйстве.